

РАЗСКАЗЪ НОВОВѢРА ¹⁾.

Изъ матеріаловъ о пашковцахъ.

— „Я крестьянинъ Тульской губерніи. Живу въ Москвѣ и служу прикащикомъ у одного грузина, торговца керосиномъ, деревяннымъ масломъ, свѣчми и мыломъ. По плоти, по паспорту, мнѣ 41 годъ. Родился я хотя отъ православныхъ родителей, крещонъ, вѣнчанъ и сына своего крестилъ хотя въ православной церкви, но вѣры не официально-церковной, а евангелической, если хотите опредѣленнаго названія для нея, и позналъ моего Господа въ ней нѣсколько лѣтъ лишь тому назадъ.

— „Это было такъ. Въ селѣ у себя, на родинѣ по плоти, я жилъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста, а потомъ началъ жить все по чужимъ людямъ. Когда мнѣ было лѣтъ десять, родители мои отдали меня учиться грамотѣ крестьянину нашего села Спиридону Тимофеевичу. Отъ роду ему было лѣтъ 30, и онъ былъ единственнымъ грамотнымъ человѣкомъ во всемъ нашемъ селѣ. А село было не малое: въ немъ насчитывалось тогда до 50-ти дворовъ и до 114—115 душъ. Впоследствии число дворовъ увеличилось, потому что многіе передѣлились. Спиридонъ Тимофеичъ потому одинъ только во всемъ нашемъ селѣ разумѣлъ грамоту, что никакихъ школъ тогда не существовало еще. Учился у Спиридона Тимофеича не я одинъ, а вмѣстѣ со

¹⁾ Сообщая читателямъ „Богословскаго Вѣстника“ настоящій рассказъ, мы не можемъ поручиться за безусловную искренность рассказа, такъ какъ онъ появился при условіи поставленія рассказчика въ сопрікосновенія съ официальнымъ лицомъ. Авт.

мною у него училось десятокъ или полтора такихъ же деревенскихъ мальчиковъ, какъ и я. Учились мы зимы три, считая и осень, и начинали учиться съ осенняго Косьмы и Даміана, а оканчивали къ пасхѣ, а иногда и раньше. Лѣтомъ мы не учились, потому что заняты были крестьянскими работами.

— „Училъ насъ Спиридонъ Тимофеичъ читать, писать и считать до сотни. Училъ онъ насъ по славянскому букварю, и такъ какъ въ немъ были и молитвы, то училъ и молитвамъ. Кромѣ того, заставлялъ насъ читать Псалтирь славянскою печати. Ничему другому онъ не училъ насъ, потому что, должно быть, и самъ больше не зналъ ничего. Молитвы учить онъ давалъ намъ на память. При этомъ не объяснялъ, что значитъ какая молитва. Такимъ же образомъ, безъ всякихъ объясненій содержанія, онъ задавалъ намъ читать и Псалтирь. Задастъ, бывало, прочесть „отсѣдова до-сѣдова“, — и только всего. А невыучишь, — или за виски оттаскастъ, или по ладонямъ линейкой отдуеть. О Православномъ Катихизисѣ ни я, ни мои товарищи, ни самъ Спиридонъ Тимофеичъ не имѣли никакого понятія. До настоящей минуты я даже въ глаза не видалъ Катихизиса. Не слыхалъ даже, что есть на свѣтѣ такая книга, и очень вамъ благодаренъ, что вы мнѣ подарили ее. О священной исторіи тоже не имѣю никакого понятія, и знаю ее по стольку, по скольку о тѣхъ или другихъ событіяхъ повѣствуетъ Библия, которую я постоянно читаю. Но читать ее началъ съ тѣхъ только поръ, какъ позналъ моего Господа. А раньше тоже въ глаза не видалъ ни Библии, ни Евангелія. Въ православную церковь я хотя хаживалъ, но о смыслѣ богослуженій тоже не имѣлъ никакого понятія, и даже теперь не знаю, что есть такія книги, изъ которыхъ можно уразумѣть, что значитъ какое богослуженіе. Спиридонъ Тимофеичъ тоже не объяснялъ этого намъ. Спрашивать объ этомъ у родителей было нечего, потому они были совсѣмъ темные люди. Отецъ не зналъ даже грамотѣ, и отдалъ меня въ ученье лишь потому, что оно могло пригодиться мнѣ впоследствии въ жизни, да и потому, что начальство стало требовать, чтобы крестьяне отдавали своихъ ребятъ въ ученье. Научиться у родителей чему и-будь хорошему, тоже нечему было. Отецъ имѣлъ слабость

лишнее выпить и умѣлъ только забавно разсказать какіе нибудь анекдоты о пустякахъ, а сказать, посудить о чемъ нибудь дѣльному, хорошему, на это его не хватало. Мать была терпѣливая женщина, сносила брань и придирки отца, когда онъ бывалъ во хмѣлю; но дать дѣтямъ что нибудь умное, дѣльное, была тоже не въ состояніи.

— „Когда я окончилъ ученіе у Спиридона Тимофеевича, я уже ничему болѣе не учился и не имѣлъ случая дополнить мое образованіе. Родители мои были люди бѣдные, и я, какъ старшій сынъ у нихъ, долженъ былъ помогать имъ своимъ трудомъ, чтобы имѣть хотя какой нибудь заработокъ.

— „Когда мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, меня отдали въ сосѣднюю деревню для крестьянскихъ работъ за двѣнадцать или тринадцать рублей за все лѣто. Тамъ я пахалъ, скородилъ, косилъ, сколько позволяли мнѣ силы. Зимой въ томъ же году я поступилъ въ другую деревню, къ одной сосѣдней помѣщицѣ, за три рубля за всю зиму, отъ филиповскихъ заговѣнъ до пасхи. Потомъ до осмнадцати-лѣтняго возраста я провелъ въ деревенскихъ работахъ то у себя, то по чужимъ деревнямъ, а осмнадцатый и девятнадцатый свои годы прожилъ, верстахъ въ пяти отъ нашего села, на шахтахъ, въ каменно-угольныхъ копанияхъ. Заработки тамъ были хотя хорошіе: мы работали сдѣльно и зарабатывали въ мѣсяць рублей 20—23, на своихъ харчахъ и на своей квартирѣ, но такъ какъ работа сама по себѣ была очень трудная, и отъ спертаго воздуха въ подземныхъ ходахъ, углубленныхъ аршинъ на сорокъ внутрь земли, и вообще отъ трудовъ, я положилъ тамъ много силъ и здоровья, такъ что почувствовалъ себя уже не въ силахъ болѣе продолжать занятія въ шахтахъ, то перешелъ въ г. Тулу и поступилъ на должность развозчика къ купцу Б., и сейчасъ торгующему масломъ и керосиномъ. У Б. я прожилъ четыре года и получилъ первый годъ 63 руб., два года по 70 руб., а послѣдній 80 руб., на хозяйскихъ харчахъ. Работа оказалась здѣсь тоже трудная. Нужно было наваливать на дроги и сваливать съ нихъ для покупателей бочки съ дѣгтемъ, которымъ тоже торговалъ Б., пудовъ отъ 40 до 55-ти въ каждой бочкѣ. Кромѣ того, такъ какъ Б. торговалъ также и солью, то приходилось

наложить и сложить ея въ день кулей до 50-ти, по 6 пудовъ въ каждомъ кулѣ. Весь этотъ ломовой трудъ показался мнѣ не соответствовавшимъ тому вознагражденію, которое я получалъ за него, и когда я попросилъ прибавки у хозяина, — онъ отказалъ мнѣ. Тогда я возимѣлъ намѣреніе отправиться въ Москву, и пріѣхалъ сюда въ іюнь мѣсяцѣ 1880 г. Но мѣста подходящаго не попадалось, и я жилъ на Бронной, въ Козицкомъ переулкѣ, у дочерей нашего сельскаго пономаря, одна изъ которыхъ была на содержаніи у одного господина, а другая по бульварамъ „гуляла“. Мѣсто развощика отъ булочной Филиппова, что на Тверской, мнѣ удалось получить только въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1880 г. У Филиппова я получалъ жалованья по 10 руб. въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ, и прожилъ до октября мѣсяца 1882 г. Отъ Филиппова я не добровольно отшелъ, а мнѣ отказали. Отказали за то, что при отправкѣ чернаго хлѣба въ Александро-Марьинское училище, что на Пречистенкѣ, я наложилъ, вмѣсто слѣдующихъ для него шести хлѣбовъ, два лишніе и эти лишніе два хлѣба хотѣлъ сдать знакомому городовому по удешевленной цѣнѣ, копѣекъ по 25-ти за хлѣбъ, а деньги конечно присвоить себѣ. Прикащикъ накрылъ меня на этой продѣлкѣ, — и я былъ уволенъ. Я дѣлалъ это и прежде; но прежде сходило, а въ этотъ разъ не сошло. Въ этомъ поступкѣ исполнѣ сбылось надо мной изреченіе апостола Павла въ 1 Посланіи къ Тимоею (гл. 6 ст. 10), что корень всѣхъ золь есть сребролюбіе. Я получалъ въ мѣсяцъ 10 рублей, пользовался хозяйскимъ столомъ, трудъ не тяжелый былъ. Казалось бы, чего еще было желать мнѣ въ моемъ состояніи? Но когда человѣкъ не живетъ въ Господѣ, — грѣхъ, господствующій въ мірѣ, всегда возобладаетъ надъ человекомъ. Такъ и сомной случилось, потому что я тогда не зналъ еще Господа и не жилъ въ Немъ. Отъ Филиппова черезъ двѣ недѣли я поступилъ, за 10 руб. въ мѣсяцъ, швейцаромъ къ одному торговому цѣмцу, прожилъ у него съ годъ и былъ очень доволенъ мѣстомъ и хозяиномъ, но долженъ былъ отойти потому, что домъ свой онъ продалъ, дѣла сократилъ, и я оказался для него лишнимъ. Тогда, 18 января 1884 г. я отправился въ П-Бургъ, чтобы найти тамъ мѣсто какое нибудь. Въ П-Бургъ именно я напра-

вился потому, что слышалъ, что трезвыми людьми дорожатъ тамъ. А я никогда не былъ приверженъ къ хмѣльнымъ напиткамъ, и если пивалъ, то что-нибудь легкое, и то случайно, и очень осторожно и рѣдко. Развѣ иногда, бывало, выпьешь у тѣщи въ храмовой праздникъ, и то только для того, чтобы она не приставала ко мнѣ съ своимъ угощеньемъ.

— „До отъѣзда въ П. Бургъ я ходилъ въ церковь, говѣлъ, приобщался, исполнялъ всѣ требованія православной церкви, любилъ присутствовать при архіерейскихъ служеніяхъ, а когда жилъ у пѣмца, каждое воскресенье ходилъ къ обѣднѣ, и вообще былъ религиозенъ.

— „Въ П. Бургѣ я остановился у одного своего земляка, жившаго лакеемъ у одного полковника, квартировавшаго въ кавалергардскихъ казармахъ. Кромѣ лакея, у полковника былъ еще казенный деньщикъ, по фамиліи Ворожищевъ. Имени его не знаю, потому что онъ вскорѣ уѣхалъ изъ П. Бурга на родину, куда-то въ Таврическую губернію. У земляка и у Ворожищева я провелъ лишь первые нѣсколько дней по пріѣздѣ въ П. Бургъ, а потомъ нанялъ уголь на Гороховой улицѣ у одного кучера и прожилъ здѣсь два мѣсяца и двадцать семь дней, пока нашелъ мѣсто артельщика въ мебельномъ магазинѣ у одного пѣмца. По пока нашелъ себѣ должность и былъ свободенъ, я довольно часто ходилъ къ земляку и къ Ворожищеву.

— „На третій или на четвертый день по пріѣздѣ въ П. Бургъ, когда я жилъ еще съ ними, Ворожищевъ спрашиваетъ у меня: истинный ли я христіанинъ? Я отвѣтилъ, что христіанинъ, и отвѣтъ этотъ далъ въ томъ смыслѣ, что я не язычникъ, не еврей, не магометанинъ по происхожденію. Потомъ Ворожищевъ спросилъ у меня: а читаю ли я слово Божіе? Я отвѣтилъ съ смущеніемъ, что читалъ когда-то, когда учился еще, но мало понимаю то, что читаю. А я и читалъ-то затѣмъ лишь, чтобы слова разбирать, а смыслъ-то гдѣ же было мнѣ понимать? Да и читалъ-то весьма тупо. Я и теперь читаю не бойко. А что касается до логичности... Я уже вамъ говорилъ, какъ я учился. Ворожищевъ мнѣ объяснилъ, что слово Божіе заключается въ Евангеліи, а Евангеліе — это благая вѣсть, оставленная намъ Самимъ Господомъ, и въ немъ указанъ

намъ путь спасенія. При этомъ Ворожищевъ открылъ въ своемъ экземплярѣ Евангелія 12-ю главу и 31-й стихъ Евангелія отъ Луки и прочелъ: наипаче ищите царствія Божія, и это все приложится вамъ. Потомъ Ворожищевъ указалъ мнѣ въ Евангеліи отъ Іоанна 16-й стихъ 3-й главы, гдѣ говорится: такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Еще Ворожищевъ указалъ мнѣ во 2-й главѣ Писанія къ Ефесеямъ мѣсто съ 4-го стиха по 10-й, гдѣ говорится, что „Богъ, богатый милостію, по своей великой любви, которою возлюбилъ насъ, и насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ со Христомъ, благодатію вы спасены: и воскресилъ съ Нимъ, и посадилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ, дабы явить въ грядущихъ вѣкахъ преизобильное богатство благодати Своей въ благости къ намъ во Христѣ Іисусѣ. Ибо благодатію вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился“. Экземпляръ Евангелія у Ворожищева былъ въ 32-ю долю листа, въ 35 коп. цѣною, и безъ всякихъ отмѣтокъ на поляхъ противъ нѣкоторыхъ текстовъ. вмѣстѣ съ Евангеліемъ переплетена была Псалтирь. Никакихъ „особенныхъ“ объясненій прочитанныхъ мнѣ мѣстъ Ворожищевъ не дѣлалъ. Въ этотъ разъ онъ, можетъ быть, читалъ мнѣ и другія мѣста въ Евангеліи, но и приведенныя слова до того глубоко запали мнѣ въ сердце, что я отправился въ Синодальную лавку и на послѣдній мой рубль, какъ сейчасъ помню, серебряный, купилъ за 45 коп. Евангеліе съ псалтирью и сталъ все свободное время употреблять на чтеніе, для чего такъ въ карманѣ постоянно и носилъ съ собою Евангеліе. (Я и теперь пошу его всегда съ собой). При послѣдующихъ свиданіяхъ съ Ворожищевымъ, мы хотя бесѣдовали о словѣ Божіемъ, но онъ не дѣлалъ мнѣ никакихъ внушеній и разъясненій въ смыслѣ отрицанія православія и его таинствъ и іерархіи.

— Вторымъ толчкомъ, побудившимъ меня обратить вниманіе на мое душевное состояніе, былъ случай такого рода: шелъ я съ Литейнаго проспекта на Выборгскую сторону для пріисканія себѣ должности. На Ново-Александровскомъ мосту встрѣчается со мной совершенно незнакомый чело-

вѣкъ съ сумкой, наполненной книгами, вѣроятно, книгоноша, и молча, съ-набѣгу, вручаетъ мнѣ бесплатно брошюрку: „Истинная радость“. Я раскрылъ ее тутъ же, дорогой, и первыми словами въ ней были: „Послушай, читатель, я не знаю ни твоего имени, ни отчества, ни роду, ни племени; но только то одно знаю, что твоё безжизненное тѣло скоро опущено будетъ въ могилу: Огражденъ ли ты отъ будущаго гнѣва Божія кровію Іисуса Христа?“ — Дальнѣйшихъ словъ не припомню, хотя брошюрку я тогда же прочиталъ всю. Но первыя слова до того подѣйствовали на меня, что у меня полились слѣзы, потому что я чувствовалъ себя грѣшникомъ, обремененнымъ грѣхами и не огражденнымъ отъ гнѣва Божія, — и совѣсть моя глубоко была встревожена.

„ — Все это время я продолжалъ быть еще православнымъ, хотя въ церкви былъ одинъ только разъ. Я не умѣю объяснить теперь причину моего охлажденія къ посѣщенію храмовъ. Ближайшей причиной было, кажется, то, что я углубился тогда въ чтеніе слова Божія, и, хотя безсознательно, чтеніемъ его замѣнилъ посѣщеніе храмовъ и ихъ впечатлѣнія.

— „Ворожищевъ хаживалъ къ одному сапожнику, по фамилии Тихонову, уроженцу Старо-Русскаго уѣзда, жившему не по далеку отъ кавалергардскихъ казармъ. Какъ на любителя чтенія слова Божія, Ворожищевъ указалъ мнѣ на Тихонова. По указанію Ворожищева, я зашелъ, помню, въ воскресный день, къ Тихонову, и онъ мнѣ сказалъ, что сегодня въ два часа дня будетъ собраніе, „призывное“, какъ онъ называлъ его. Впослѣдствіи я узналъ, что „призывнымъ“ оно называется не потому, что созывается по повѣсткамъ, въ опредѣленныхъ рамкахъ, и вообще съ официальнымъ характеромъ, а по своему назначенію, такъ какъ на него собираются лица, „призываемыя“ Господомъ ко спасенію. Отъ того оно и носитъ названіе „призывнаго“ въ отличіе отъ собраній „молитвенныхъ“ и „утреннихъ“.

— „Собраніе, на которое привелъ меня Тихоновъ, происходило на Гагаринской набережной, въ домѣ, принадлежавшемъ тогда Василю Александровичу Пашкову. На собраніе сошло человѣкъ 20—25, преимущественно мужчинъ и простаго класса. Но въ числѣ посѣтителей былъ

и одинъ офицеръ, не молодой уже, приблизительно лѣтъ 50-ти. Комната, гдѣ происходило собраніе, меблирована была только стульями, да стояли въ ней шкафъ, вѣроятно, съ библіотекой, и столъ, должно быть, обѣденный, накрытый клеенкой, потому что это было въ столовой. Никакихъ особенныхъ приспособленій, напр. возвышенія для чтеца и проповѣдника, не было. Не было также ни иконъ, ни креста. Не было и особенной одежды для чтеца и „вѣрующихъ“.

— „Собраніе открылъ самъ Пашковъ, мужчина тогда лѣтъ 60-ти, одѣтый въ обыкновенный всеневный костюмъ, весь черный, приглашеніемъ помолиться. Съ этимъ словомъ и самъ первый онъ и всѣ присутствовавшіе преклонили колѣни на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто сидѣлъ или стоялъ, слегка наклонили голову, приложили ко лбу руки, такъ что пальцы одной руки лежали на пальцахъ другой, и въ тоже время одинъ возпоилъ молитву Господу. Молитва была не заученная, не писанная или печатная, а такая, какую въ данный моментъ Господь влагалъ въ сердце. Въ это время другіе слушали молча молитву, оставаясь въ колѣнопреклоненномъ положеніи. Когда первый кончилъ молитву и оставался на колѣняхъ, тогда началъ второй. Началъ онъ не по какой нибудь установленной очереди, а подъ вліяніемъ сознанія о призваніи его Господомъ къ молитвѣ. Нужно замѣтить, что въ нашихъ собраніяхъ нѣтъ ничего формальнаго, установленнаго, а все дѣлается по свободному произволенію и по внушенію Божію. По окончаніи первой молитвы, когда всѣ присутствовавшіе встали съ колѣней и сѣли по своимъ мѣстамъ, Пашковъ взялъ со стола Евангеліе и сказалъ: будемъ читать изъ 11-й главы Евангелія отъ Матѳея съ стиха 27-го до конца главы. Въ этомъ мѣстѣ говорится: „Все предано Мнѣ Отцомъ Моимъ, и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть. Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.“—Когда Пашковъ объявилъ, что будетъ читаться это мѣсто и затѣмъ началъ читать его вслухъ,

вставъ съ своего мѣста, другіе, оставаясь сидящими на своихъ мѣстахъ, открывали свои книги Евангелія, у кого онѣ были, находили заявленное Пашковымъ мѣсто и молча слѣдили по книгѣ за его чтеніемъ. Тѣже, у кого не было своихъ книгъ, брали ихъ у Пашкова со стола, на которомъ лежало нѣсколько экземпляровъ. По окончаніи чтенія приведеннаго мною мѣста, Пашковъ, на основаніи слова же Божія, дѣлалъ объясненія; но содержаніе ихъ я не могу припомнить. Не могу также припомнить содержаніе и молитвъ. Объясненіе длилось съ полчаса.

— „Когда Пашковъ кончилъ его, тогда всталъ другой, неизвѣстный мнѣ по фамиліи. Мнѣ сказали, что это Сиріецъ, и называли его Яковъ Деляковичъ. По обличью и по цвѣту кожи онъ дѣйствительно имѣлъ видъ жителя дальняго юга. Сиріецъ открылъ Евангеліе и началъ читать изъ Откровенія Іоаннова главу 7-ю съ стиха 9-го до конца. Здѣсь читается: „Послѣ сего взглянулъ я, и вотъ, великое множество людей, котораго никто немогъ перечестъ, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ стояло передъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ. И восклицали громкимъ голосомъ, говоря: спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и къ Агнцу! И всѣ Ангелы стояли вокругъ престола и старцевъ и четырехъ животныхъ, и пали предъ престоломъ на лица свои, и поклонились Богу, говоря: аминь, благословеніе и слава, и премудрость и благодареніе, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь. И, начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: сіи облоченные въ бѣлыя одежды кто, и откуда пришли? Я сказалъ ему: ты знаешь, господинъ. И онъ сказалъ мнѣ: это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои, и убѣлили одежды свои кровію Агнца. За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога, и служатъ ему день и ночь въ храмѣ Его, и сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной. Ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ, и отреть Богъ всякую слезу съ очей ихъ“.— Прочитавши это мѣсто, Сиріецъ объяснилъ прочитанное.

Содержанія его объясненій тоже не могу припомнить. Послѣ объясненія слѣдовала молитва съ колѣнопреклоненіемъ.

— „Послѣ молитвы Пашковъ назначилъ для пѣнія стихи изъ книги: „Любимые стихи“. подъ названіемъ, кажется: „Истинная радость“. Стихотвореніе это состоитъ изъ четырехъ куплетовъ. Всего его я немогу передать на память, но первые стихи таковы:

„Издали намъ сіяетъ страна.
 „Въ нее вѣрою всякій войдетъ.
 „Самъ Спаситель введетъ въ небеса
 „Свой искупленный народъ“.

Припѣвомъ къ каждому куплету служатъ стихи:

„Радость, радость будетъ въ небесахъ,
 „Гдѣ мы встрѣтимся въ райскихъ вратахъ!
 „Насъ тамъ Спаситель скростъ въ лучахъ
 Вѣчной Своей любви“.

Послѣдующихъ стиховъ и куплетовъ не помню. Стихи пѣли всѣ присутствовавшіе, кто могъ, и пѣли по книжкамъ, лежавшимъ на столѣ. Кто желалъ участвовать въ пѣніи, бралъ со стола книжку и пѣлъ. Этимъ пѣніемъ и закончено было собраніе. О закрытіи его никто не объяснялъ, но кто ранѣе бывалъ на собраніяхъ, самъ зналъ, что они оканчиваются пѣніемъ изъ „Любимыхъ стиховъ“.

— „Когда собраніе окончилось, Пашковъ объявилъ, что если кто имѣетъ предложить ему какіе нибудь вопросы, тотъ можетъ остаться. По поводу этого заявленія осталось человѣка три или четыре, въ числѣ ихъ и я, а остальные всѣ разошлись безъ всякаго особаго обряда, а просто раскланивались другъ съ другомъ, нѣкоторые жали руки, — и уходили.

— „Оставшись въ числѣ трехъ-четырехъ человѣкъ я лично не предлагалъ Пашкову никакихъ вопросовъ, но присутствовалъ при разговорѣ его съ однимъ старичкомъ изъ числа оставшихся. Разговоръ былъ такой: Пашковъ спросилъ старичка: пришли ли вы, дѣдушка, къ Господу?— Тотъ отвѣчалъ: да, надо, надо, придти.— Когдажъ это будетъ? спросилъ Пашковъ. Старичекъ опять произнесъ тѣже слова: да, надо, надо придти. Тогда Пашковъ началъ говорить ему съ любовью, убѣждающимъ тономъ, что вотъ онъ дожиль уже до 60-ти лѣтъ, а все говоритъ только, что надо,

надо придти къ Господу, а между тѣмъ, до сихъ поръ не имѣеть Господа.

— „Старичокъ и другіе еще остались у Пашкова, и что онъ говорилъ съ ними, не знаю, но я ушелъ съ радостнымъ сознаниемъ въ сердцѣ, что мнѣ прощены Господомъ мои грѣхи. Въ собраніе же я явился съ глубокимъ, сердечнымъ представленіемъ о томъ, что вся моя жизнь преисполнена была только одними грѣхами: и обманомъ, и лицемѣріемъ, и падкостью къ женщинамъ, и стремленіемъ къ наживѣ, и вообще всякимъ зломъ, которое официально хотя не было обнаружено, но ясно сознавалось мной, такъ что я видѣлъ себя совершенно погибшимъ грѣшникомъ, стоявшимъ на самомъ краю глубокой бездны, притомъ такой бездны, на днѣ которой зіяла вѣчная жизнь съ ся ужасающимъ воздаяніемъ. Но въ минуты чтенія Пашковымъ и Сирийцемъ приведенныхъ мной мѣстъ слово Божіе и объясненій ихъ, основанныхъ тоже на словѣ Божіемъ, Господь, по Своей великой милости и неисчерпаемой любви къ гибнувшему человѣку, Своему же созданію, открылъ мнѣ, что во имя Іисуса Христа мнѣ прощены мои грѣхи Его кровію. И тогда совѣсть моя возвѣстила мнѣ, что бремя грѣховное уже не оставалось у меня на сердцѣ, — и мнѣ радостно было это возвѣщеніе. Съ той же минуты вся моя прошлая жизнь, всѣ грѣхи, грызшіе мое сердце, сдѣлались мнѣ противны, омерзительны, и Господь, по Своей великой любви, далъ мнѣ силу не только не дѣлать все то, что дѣлалъ я прежде грѣховнаго, а даже ненавидѣть прежнія мои дѣла. Съ того же времени единственнымъ моимъ утѣшеніемъ и утвержденіемъ сдѣлалось чтеніе слова Божія. По этому, подъ вплипомъ радостнаго сознанія освобожденія своего отъ грѣховнаго бремени, мнѣ странно было слышать, что старичокъ, бесѣдовавшій съ Пашковымъ, слыша тоже Божіе слово, которое слышалъ и я и которое произвело такое дѣйствіе на меня, не можетъ однако придти къ Господу по призыву слова Его. Впослѣдствіи, по мѣрѣ моего духовнаго возрастанія, тотъ же Господь, и чрезъ тоже слово Свое, открылъ мнѣ, что обращеніе грѣшника не дѣлается человѣческими средствами и не зависитъ отъ личныхъ нашихъ усилій, а открываетъ намъ душевныя очи все тотъ же Господь.

— „Послѣ посѣщенія описаннаго мною собранія я былъ нѣсколько разъ на другихъ собраніяхъ, но уже въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, одинъ разъ еще былъ въ томъ же домѣ Пашкова и въ той же комнатѣ. Но ни самаго Пашкова, ни Сирийца не было уже въ этомъ собраніи. Состояло оно всего человекъ изъ четырехъ. Были дворникъ изъ дома Пашкова, какая-то прѣѣзжая „сестра о Господѣ“, я еще кто-то. Собраніе заключалось въ томъ, что мы нѣсколько почитали лишь слово Божіе и безъ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, безъ пѣнія стиховъ, разошлись. Было ли это въ четвергъ или въ воскресенье, когда обыкновенно бываютъ у насъ собранія, не помню, такъ какъ это было на первыхъ порахъ моего обращенія. Изъ другихъ мѣстъ, гдѣ были собранія, на которыхъ присутствовалъ я два раза, я знаю на Выборгской сторонѣ, въ домѣ Пашкова же. На этихъ собраніяхъ тоже не бывало ни самого Пашкова, ни Сирийца. Отъ чего они не бывали, не знаю. Но тогда не возбуждалось еще преслѣдованіе противъ Пашкова за распространеніе новой вѣры и за допущеніе собраній въ своихъ домахъ. На собраніяхъ въ домѣ его на Выборгской сторонѣ „вѣрующихъ“ присутствовало человекъ 13—15. Происходили они хотя тѣмъ же порядкомъ, какъ и то первое, на которомъ Господь призвалъ меня, съ чтеніемъ слова Божія, съ объясненіемъ его, съ возношеніемъ Господу колѣнопреклоненной молитвы и съ пѣніемъ стиховъ, но называлось уже не „призывнымъ“, а „молитвеннымъ“. Это названіе усвоивается собраніямъ такого рода потому, что на нихъ присутствуютъ „призванныя“ уже Господомъ, и для нихъ, какъ таковыхъ, уже не требуется покаяніе, такъ какъ разъ они уже приняли Господа, то, предполагается, уже и покались, и для нихъ, какъ младенцевъ, отнятыхъ отъ груди матери и возрастающихъ въ мѣру возраста Христа, требуется уже другая пища, соотвѣтственная ихъ духовному возрасту. Но и на „молитвенныхъ“ собраніяхъ могутъ присутствовать лица, еще не призванныя Господомъ, хотя не могутъ участвовать въ дѣйствіяхъ собраній „молитвенныхъ“. Лица эти допускаются на такія собранія въ томъ соображеніи, что дверь въ царствіе Господа ни для кого не должна быть закрыта и что отъ Его изволенія зависитъ призваніе къ Себѣ чадъ Своихъ, такъ что непри-

пятіе ихъ въ собранія „вѣрующихъ“, познавшихъ Господа, было бы равносильно оттолкновенію отъ Господа.

— „Ворожищевъ ни разу не присутствовалъ на тѣхъ собраніяхъ, гдѣ я бывалъ. Онъ называлъ себя молоканиномъ и ходилъ на собранія къ Мазингу, въ лютеранскую кирху, на Петербургской сторонѣ, гдѣ слово Божіе читалось и объяснялось по-русски. Такъ какъ я не бывалъ тамъ, то немогу сказать, какъ тамъ происходили собранія и что дѣлалось тамъ. О религіозныхъ взглядахъ Ворожищева, какъ молоканина, мнѣ не приходилось бесѣдовать съ нимъ. Я позналъ своего Господа, — и все другое не интересовало меня.

— „Нѣмецъ, мебельный мастеръ, къ которому поступилъ я артельщикомъ, жена и дочь его были однихъ со мною религіозныхъ убѣжденій и устраивали у себя собранія „вѣрующихъ“. На этихъ собраніяхъ конечно и я участвовалъ. Кстати сказать, что нѣмцу указала на меня, какъ на одинаково вѣрующаго съ нимъ и какъ на надежнаго артельщика, одна „сестра“ изъ „вѣрующихъ“. На собранія къ нѣмцу собирались русскіе и нѣмцы, но собранія происходили въ разные дни: у русскихъ въ одни, у нѣмцевъ въ другіе. Не въ одинъ день собранія устраивались потому, что нѣмцы читали и объясняли слово Божіе на нѣмецкомъ языкѣ, котораго не понимали мы, русскіе. Собранія эти, какъ русскія, такъ и нѣмецкія, устраивались не въ одни какіе нибудь опредѣленные дни, и даже не каждую недѣлю, а когда приходилось. Чѣмъ обуславливалось назначеніе времени собраній, не знаю. На этихъ собраніяхъ, такъ же какъ и у Пашкова, читалось слово Божіе, объяснялось и сопровождалось молитвенными колѣнопреклоненіями и пѣніемъ стиховъ.

— „У нѣмца я выжилъ артельщикомъ два года и три мѣсяца. Живя у него и продолжая ежедневно, во всякое свободное время, упражняться въ чтеніи слова Божія, а также посѣщать собранія „вѣрующихъ“, когда происходили они, я конечно не могъ не видѣть въ словѣ Божіемъ того, что искренняя, истинная вѣра, которую открылъ мнѣ Господь, должна быть запечатлѣна принятіемъ „вѣднаго“ крещенія. Такими руководящими для того мѣстами служатъ: въ Евангеліи отъ Матѳея, въ гл. 28-й, ст. 19—20, въ

Евангеліи отъ Марка, въ гл. 16 ст. 15—17, въ Евангеліи отъ Іоанна, въ гл. 3 ст. 5 и въ Дѣян. Апостоловъ, въ гл. 2 ст. 41, въ гл. 8 ст. 37—38. Я хотя видѣлъ изъ этихъ мѣстъ обязательную для истинно вѣрующаго необходимость принять „вѣдное“ крещеніе, но не рѣшаясь сдѣлать самочинно этотъ рѣшительный шагъ, просилъ Господа разрѣшить мое недоумѣніе, открыть мнѣ волю Свою, — и Онъ, по великой Своей милости, открылъ мнѣ Свое изволеніе. Тогда я сообщилъ о ней одному изъ „вѣрующихъ братьевъ“, фамилію котораго называть не стоитъ, въ которомъ я видѣлъ, что онъ духовно въ силахъ взять на себя такое серьезное дѣло. Помню хорошо, 26 іюня 1885 г., въ теплый, погожий день, мы съ этимъ „братомъ“, въ сопровожденіи человѣкъ четырехъ, тоже изъ „братьевъ“, отправились пѣшкомъ за Выборгскую сторону, на рѣчку, которая называется, кажется, „Черная“, Черная-рѣчка, и тамъ „братъ“ совершилъ надо мною крещеніе. Другіе четыре „брата“ отправились съ нами не въ качествѣ воспріемниковъ или свидѣтелей акта моего крещенія, а просто такъ. То, что для совершенія его отправились мы пѣшкомъ, а не поѣхали, не имѣло никакого значенія для обряда крещенія и произошло потому, что просто такъ случилось. Обрядъ крещенія заключался въ томъ, что крещавшій меня „братъ“ прочелъ на берегу рѣчки изъ Евангелія отъ Маттея ст. 24, 25 и 26 изъ 16 главы, изъ Евангелія отъ Луки ст. 23, 24, 25 и 26 главы 9-й, изъ Посланія къ Римлянамъ ст. 3, 4 и 5 гл. 6, изъ Посланія къ Филиппійцамъ ст. 8, 9 и 10 гл. 3 и изъ Посланія къ Титу ст. 4, 5, 6 и 7 гл. 3. Кромѣ того, „братъ“ произносилъ молитву къ Господу объ укрѣпленіи меня Своею благодатію. Когда окончены были чтеніе Евангелія и молитва, я снялъ съ себя обувь и верхнее платье, остался лишь въ сорочкѣ и въ нижнемъ бѣльѣ и вошелъ по грудь въ воду. „Братъ“, совершавшій надо мною крещеніе, раздѣвшись со мной одновременно и оставшись въ одной рубашкѣ и въ нижнемъ бѣльѣ, тоже вошелъ со мной въ воду, держа меня за правую руку, и при моемъ личномъ дѣйствіи, погрузилъ меня совѣмъ съ головой въ воду и при этомъ произнесъ слова: крещая раба NN во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. — Въ воду онъ погрузилъ меня только

единожды. Больше ничего ни сказано, ни сдѣлано было при этомъ. Когда крещеніе было вполнѣ совершено, я и „братъ“ вышли изъ воды, надѣли на себя сухое бѣлье, а мокрое взяли съ собой для обыкновеннаго употребленія его дома. Потомъ, одѣвшись, всѣ пѣли стихи изъ „Любимыхъ стиховъ“. Пѣли нѣсколько стихотвореній. Содержанія, и даже пумеровъ ихъ не помню. Не помню потому, что пѣли много. Пѣніе происходило на берегу рѣки, на мѣстѣ моего крещенія. Затѣмъ, отправились всѣ домой, въ II.-Бургъ. Акты подобныхъ крещеній у насъ не записываются ни въ какихъ документахъ. О нихъ не объявляется даже въ собраніяхъ. Это не дѣлается потому, что принятіе или непринятіе „воднаго“ крещенія представляется свободѣ и совѣсти „вѣрующаго“ и волѣ Самого Господа.

„Совершенно такимъ же порядкомъ совершается и крещеніе женщинъ, причемъ крещеніе совершаетъ не женщина, а тоже мужчина изъ „братьевъ“. Не женщина, а мужчина совершаетъ крещеніе женщинъ на томъ основаніи, что въ словѣ Божіемъ нѣтъ нигдѣ указаній на то, чтобы право крещенія было предоставлено женщинамъ. Напротивъ, всѣ указанія говорятъ за то, что крещеніе всегда совершали только лица мужскаго пола.

„Въ II.-Бургѣ я жилъ хотя въ средѣ вѣрующихъ братьевъ“, но ни отъ кого изъ нихъ не слышалъ ни одного не только принудительнаго слова, а даже простаго напоминанія о томъ, что, вступивъ въ общину ихъ, я тѣмъ самымъ обязательно долженъ принять „водное“ крещеніе. Затѣмъ, пріѣхавъ въ II.-Бургъ только съ четырьмя рублями и пробивъ безъ должности три мѣсяца и 27 дней, причемъ болѣе двухъ мѣсяцевъ долженъ былъ жить на квартирѣ, платить за нее и питаться, я потомъ, до полученія должности у нѣмца, хотя нуждался въ деньгахъ, но обращался за ними, для удовлетворенія своихъ нуждъ, къ моему земляку и къ Ворожищеву, лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу „вѣрующихъ“, и получивъ должность, возвратилъ имъ то, что бралъ у нихъ взаймы. Я и бралъ-то у нихъ немного: у перваго 5 руб., а у другаго 3 руб. Такъ что вступленіе въ общину „вѣрующихъ“ не было у меня дѣломъ посторонняго принудительнаго воздѣйствія или подкупа съ чьей либо стороны изъ среды вѣрующихъ. Средства эти вовсе

не практикуются у насъ по тому соображенію, что Господь никого не влечетъ къ Себѣ принужденіемъ, а предоставляетъ доступъ къ Нему доброй нашей волѣ. — „Кто жаждетъ говорить Онъ въ Евангеліи отъ Іоанна (гл. 7 ст. 37 и 38) иди ко Мнѣ, и пей. Кто вѣруетъ, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“. Притомъ въ постороннемъ принужденіи къ принятію собственно „воднаго“ крещенія выразилась бы не Господня, а человѣческая заповѣдь, и принявшій его слѣдовалъ бы не слову Божію, не заповѣди Спасителя, а слову человѣка. Въ виду этихъ соображеній, а также и въ виду того, что все, что дѣлается въ духовной жизни человѣка, дѣлается по изволенію и призванію Господа, — принятіе „воднаго“ крещенія не представляетъ собой внѣшняго признака и окончательнаго завершенія вступленія въ общину „вѣрующихъ“. И не принявшій еще воднаго крещенія для меня такой же „братъ“, какъ и принявшій, если дѣла его, добрая жизнь его свидѣлствуютъ о немъ, какъ о вѣрующемъ. Притомъ, если извѣстный „братъ“ не принялъ крещенія въ данное время, то Господь можетъ впослѣдствіи открыть ему Свою волю объ исполненіи Его заповѣди относительно принятія „воднаго“ крещенія. Затѣмъ, оно, по моему внутреннему убѣжденію, не имѣло бы никакой цѣны и въ томъ случаѣ, если бы вѣрующій попросилъ совершить надъ нимъ „водное“ крещеніе въ силу лишь внѣшняго присоединенія къ общинѣ „вѣрующихъ“, не испытавъ своего внутренняго духовнаго состоянія, не выждавъ призванія отъ Самаго Господа, или даже и принявъ въ сердце Христа, но не засвидѣтельствовавъ своей вѣры духовнымъ возрастаніемъ. Такая просьба была бы самонадѣянностью съ его стороны, самообольщеніемъ, обнаруживающимъ, что онъ не постигъ еще тайны принятія Св. Духа въ сердце, и прямо противорѣчила бы слову Божію, высказанному въ Евангеліи отъ Маттея, въ гл. 3 въ ст. 7—9, и въ Дѣян. Апост., въ гл. 19 въ ст. 1—6. Ибо человѣкъ, истинно возродившійся свыше, долженъ постепенно приходиться въ мѣру возраста Христова, какъ это говоритъ апост. Павелъ въ Посл. къ Ефесянамъ, гл. 3 ст. 9—21, и въ Посл. къ Колоссянамъ, гл. 1 ст. 12—23.

„Получивъ отъ Господа откровеніе, путемъ чтенія слова Его, о принятіи „воднаго“ крещенія, я тѣмъ же путемъ

внутренно убѣдился и въ необходимости исполнять заповѣдь Господню о причащеніи, для воспоминанія о смерти нашего Спасителя, по слову Его въ Еванг. отъ Луки, гл. 22 ст. 14—20, въ Еванг. отъ Матоея, гл. 26 ст. 26—28 и въ Посл. къ Коринѣ., гл. 11 ст. 23—30. Въ Евангелии отъ Іоанна, въ гл. 6, въ ст. 56, Господь хотя говоритъ, что „ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ“, и потому какъ бы заповѣдуетъ принимать тѣло и кровь Его не для одного только воспоминанія о Его смерти, но какъ я лично, такъ и всѣ одинаково со мною убѣжденные религиозно, понимаемъ слова эти такъ: во 1-хъ, изречены они не на тайной вечери, а послѣ совершенія чуда насыщенія пяти тысячъ народа пятью хлѣбами, и потому не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ установленія заповѣди о причащеніи. Во 2-хъ, слова эти потомъ, въ стихѣ 63-мъ, разъясняются Самимъ же Господомъ въ томъ смыслѣ, что плоть не пользуетъ ни мало. Сопоставляя эти разъяснительныя слова съ другими, находящимися въ той же главѣ, мы приходимъ къ заключенію, что Спаситель имѣлъ въ виду Свое слово, Свое ученіе, духъ Своего слова, который, въ противоположность человѣческой плоти, и животворитъ нашу душу въ жизнь вѣчную. При этомъ, по имѣя въ словѣ Божіемъ нигдѣ указаній, я ничего не могу сказать по поводу вопроса о томъ: могла ли животворить насъ въ жизнь вѣчную плоть и кровь Самаго Иисуса Христа, хотя они были и человѣческія. Мы видимъ только указанія на то, что плоть Его тоже страдала, какъ и наша, терпѣла голодъ, изнемогала, была распята на крестѣ, но тамъ оставлена Имъ, ибо по воскресеніи Онъ являлся уже въ иной плоти. Въ 3-хъ, въ словахъ Господа, изреченныхъ Имъ на тайной вечери, мы усматриваемъ ясное указаніе на то, что причащеніе, или какъ называется оно у насъ, „преломленіе хлѣба“, должно быть совершаемо, по заповѣди Самаго же Господа, только въ воспоминаніе Его, въ воспоминаніе того, что Онъ искупилъ насъ Своею смертію, что мы, за наши грѣхи, сами бы должны были умереть, конечно духовно, а вмѣсто насъ, Онъ принялъ смерть. При этомъ, такъ какъ нищей, питающей и укрѣпляющей насъ духовно, для насъ должно служить слово Его, оставленное намъ въ писаніи Его апостоловъ, то съ

преломленіемъ хлѣба мы не соединяемъ мысли о силѣ, питающей и укрѣпляющей насъ въ преломленіи, и самое преломленіе совершаемъ лишь для исполненія заповѣди Господа. Разъ заповѣдь эта оставлена намъ,—мы должны исполнить ее, какъ и всякую другую заповѣдь, заключающуюся въ словѣ Божіемъ.

„Въ П.-Бургѣ, во время моего пребыванія тамъ, и въ Москвѣ, здѣсь, преломленіе хлѣба совершается такимъ образомъ: „братъ“, желающій участвовать въ немъ, заявляетъ другому „брату“ о своемъ желаніи. Заявленіе это дѣлается или частнымъ образомъ, на его квартирѣ, или при свиданіи гдѣ нибудь, или иногда въ „молитвенномъ“ собраніи. „Братъ“, которому заявляется о такомъ желаніи, сообщаетъ о томъ другому и третьему, уже участвующимъ въ преломленіи хлѣба и близко знающимъ духовную жизнь заявителя. Тогда, въ его отсутствіе, обсуждается вопросъ о томъ: можетъ, или не можетъ быть допущенъ онъ, по мѣрѣ его духовнаго возраста и по чистотѣ побужденій, до участія въ преломленіи хлѣба. Иногда спрашивается и самъ заявитель о влекущемъ его къ тому побужденіи. Если онъ заявитъ, что побужденіемъ для него служитъ стремленіе исполнить ясную заповѣдь Господа, что стремленіе это открыто ему самимъ Господомъ, и если притомъ и жизнь заявителя свидѣтельствуетъ въ его пользу, тогда въ „утреннемъ“ собраніи, на которомъ собственно и совершается преломленіе хлѣба, объявляется „вѣрующимъ“, что такой-то „братъ“ будетъ участвовать въ преломленіи, и онъ допускается до участія въ немъ вмѣстѣ съ другими. Предосторожности въ допущеніи до участія въ преломленіи принимаются въ виду прямыхъ указаній слова Божія въ 1 Посланіи апост. Павла къ Коринтеянамъ, въ гл. 11 ст. 27—30, предупреждающихъ, что кто будетъ ѣсть хлѣбъ или пить чашу Господню недостойно, тотъ будетъ повиненъ противъ Тѣла и Крови Господней.
